

Сакура прекрасно знала, что Саске — любовь всей ее жизни; она просто была не для него — суровая реальность, на осознание которой ей потребовались годы, — поэтому, когда темноволосый сказал ей это, сказал, что любит ее, девушка не представляла, что и думать.

Она покачала головой.

— Ты пьян.

Он положил ладони на ее щеки, приподнимая ее лицо и заставляя смотреть на него. Глаза у него были стеклянными, а губы слегка приоткрытыми, будто он был на грани в очередной раз признаться. Она чувствовала, как дрожали его руки. Парень был напуган. Саске, всегда такой спокойный и собранный, стоял в ее гостиной, дрожащий, уязвимый и нервничающий.

— Я серьезно, — произнес он, и теперь его голос звучал тверже, трезвее.

Сакуре хотелось ему верить — она верила, но трудно было довериться одному признанию в состоянии алкогольного опьянения, да и после стольких доказательств обратного.

— Скажи мне это еще раз утром. Потом поговорим. Хорошо?

Саске кивнул.

— Могу ли я остаться с тобой сегодня?

Девушка провела руками по его груди, ощущая твердость его мускулов под рубашкой.

— Не думаю, что это хорошая идея. Ты сейчас не в себе.

— Просто поспать, — он выглядел таким уставшим, что Сакура не могла ему отказать.

— Ладно, — она взяла его за руку и мягко улыбнулась. — Идем спать.

Даже будучи в таком состоянии, Саске сложил свою одежду и аккуратно поставил обувь у двери (хоть и медленнее, чем обычно).

Сакура заснула в его объятиях впервые с прошлого лета; утром она проснулась, чувствуя себя наконец за целый год вдоволь отдохнувшей. Розововолосая, зевнув, потянулась и повернулась только для того, чтобы обнаружить, что сторона, где спал Саске, холодная и пустая. Он ушел.

Может быть, это должно было быть больно, но девушка была ни разу не удивлена, чтобы расстраиваться.

Она заставила себя пошевелиться: вышла на кухню за стаканом апельсинового сока — и встретила Саске, сидящего за ее столом полностью одетым, державшимся руками за голову. Парень поднял на нее взгляд — его глаза были совершенно нечитаемыми.

Сердце Сакуры забилось быстрее, почти болезненно ударяясь о грудную клетку. Он не ушел. Он все еще был здесь.

— Как ты себя чувствуешь? — тихо спросила куноичи.

— Нормально, — ответил темноволосый.

Девушка села на стул напротив него.

— В этом мире не существует справедливости, — произнесла она. — Если бы я так напилась, то на следующий день просто помирала бы.

— Хм, — он уперся локтями в стол, сцепив пальцы вместе и устраивая на них подбородок. Такое типичное движение для того Саске, которого она знала, когда они были в Академии, что на него было почти невозможно смотреть.

Она ждала, когда он хоть что-нибудь скажет, что угодно, но он не говорил.

— Ты помнишь, что было ночью?

Вне зависимости от того, были у него пробелы в памяти или нет, это была прекрасная возможность для Учихи избавиться от последствий своих действий, и она частично ожидала, что он воспользуется ею.

Вместо этого он ответил:

— Да. Я все помню.

Сакура пыталась понять его настроение по выражению его лица, но там не было ничего. Саске умел мастерски отгораживаться от людей, скрывать то, что он думает и чувствует. Девушка ничего не могла узнать, наблюдая за ним; ей придется полагаться на слова, если только он хоть что-нибудь скажет.

— Это правда? — спросила она. — Ты любишь меня?

Между ними воцарилась тишина на секунду, две — по какой-то причине Сакура могла думать только о той глупой игре, в которую она играла в детстве, вырывая лепестки у цветов, чтобы

определить, любит ли ее Саске-кун или нет. Создавалось такое чувство, что она играет уже очень долго, ходит туда-сюда, ожидая наконец узнать, на каком лепестке остановится.

И затем Саске ответил: «Да».

Розововолосая закусила губу, чтобы не улыбнуться слишком широко.

— Я не должен был говорить тебе это вчера вечером, только не так, — произнес парень почти извиняющимся тоном. — Ты заслуживаешь большего.

— Мне все равно, — выпалила Сакура. Он любит меня, думала она, Саске любит меня. Это все, что имело значение.

Она встала, обошла стол и взяла его лицо в свои руки. Он прильнул к ее прикосновениям — это было таким простым проявлением искренней привязанности, вселяющим в нее надежду, делая ее смелее. Сакура боялась спрашивать, но все-таки ей нужно было кое-что знать.

— Так что теперь будет с нами? Чего ты хочешь от меня?

— Всего, — ответил Саске, — я хочу всего.

Весь день они провели в постели. Сначала занимались любовью, затем — наверстывали упущенное. Просто целовались, обнимались, болтали. После стольких месяцев без Сакуры каждое прикосновение ощущалось как подарок, и впервые за долгое время Саске был доволен.

Она убрала волосы с его лица, проводя пальцами по линии его подбородка. В том, как девушка смотрела на него, было нечто нежное, но печальное.

— Ты не сможешь снова причинить мне боль, — сказала она. — А если причинишь, то в последний раз. Ты же знаешь это, да?

— Да, — ответил Саске. — На этот раз все будет иначе. Я буду другим.

Она положила голову ему на грудь, туда, где было его сердце.

— Ловлю на слове.

В конце концов голод вынудил их отправиться на кухню, но они чувствовали себя слишком ленивыми, чтобы готовить, поэтому решили нарезать фруктов, которые Сакура купила вчера утром у господина Ягути. Они сели за стойку, полуобнаженные, бок о бок, деля тарелку с

дольками яблок.

— Увы, помидоров нет. Не ожидала твоего визита, — произнесла куноичи. — Кажется, теперь мне нужно будет всегда держать их в запасе, да?

Он кивнул, съедая еще одну дольку яблока; оно было хрустящим и сладким на языке.

— Я был бы признателен.

После перекуса они вернулись в постель. Когда Саске увидел ее — утопающую в простынях, с бледными глазами под тяжелыми веками и розовыми волосами, рассыпанными по подушке — его внезапно переполнила потребность в этой девушке. Иметь ее, любить ее. Он хотел поделиться этим с Сакурой, но не знал как. Поэтому вместо того, чтобы сказать, парень ткнул ей в лоб двумя пальцами.

— Для чего это было? — поинтересовалась Сакура.

— Так делал мой брат со мной, когда мы были детьми, — пояснил он. — В то время я этого не понимал, но теперь думаю, что это был некий способ показать, что ему не все равно.

— Саске... — розововолосая потянулась к нему, беря его за руку. Ее хватка была теплой и сильной, как и сама девушка. — Спасибо.

Темноволосый поцеловал ее, и она ответила на поцелуй, перетягивая парня на себя.

— Еще раз? — спросил он и почувствовал, как уголки его губ растянулись.

Сакура обвила ногами его талию и прошептала на ухо:

— Неужто я утомила тебя, Саске-кун?

Он прижал ее к матрасу, всасывая мягкую кожу на ее шее, пока она не захныкала и под его ртом не расцвел фиолетовый засос. Люди увидят это и узнают, что он пометил ее, узнают, что она его. Хорошо. Он был сыт по горло секретами и отговорками.

Саске занимался с ней любовью менее нежно, чем сегодняшним утром. Теперь в том, как они сливались вместе, было нечто отчаянное, а нетерпение чувствовалось в том, как он хватался за ее бедро, в его толчках. Сакура не отставала, впиваясь короткими ногтями в его спину. Царапины жгли — без сомнения, к моменту, когда они кончат, по всей его спине будут десятки параллельных рубцов, но Саске это не заботило. Она была хороша, так хороша, что он был одурманен ее стонами, мольбами и клятвами. Каким-то образом темноволосый сохранил контроль и просунул руку между ее ног, заставляя ее от таких прикосновений рассыпаться на

части. Всегда прекрасная — а в такие моменты от нее лишь сильнее захватывало дух: закрытые глаза, набухшие соски, выгнутая спина и приоткрытый рот.

После этого Саске задрожал, тяжело дыша и едва держась на руках. Парень сыпал поцелуями по ее лбу, щеке, розовым губам. Хотел целовать ее повсюду, вновь и вновь требовать ее тело, но, когда он спустился к ее груди, Сакура засмеялась, хватая его за волосы.

— Мне нужно передохнуть.

Темноволосый положил голову ей на грудь и улыбнулся.

— Я думал, ты меня утомишь, или я тебя не расслышал?

Девушка хлопнула его по спине, достаточно сильно, чтобы появилась легкая боль.

— Ты мудака, ты это знаешь?

— Ты все равно любишь меня. И будешь любить, правда?

Всегда?

У нее перехватило дыхание, а сердце забилося быстрее. Прижавшись щекой к ее груди, он мог чувствовать все это.

— Всегда, — пообещала она.

Сакура принадлежала ему, только ему, до конца их дней. Так же, как Саске принадлежал ей.

Эта мысль все еще пугала, и, возможно, он никогда не научится легко принимать или отдавать любовь, но если этот год чему-то и научил Саске, так это тому, что ему необходима Сакура. Она была как воздух, как вода: стихия, без которой ему просто не обойтись.

На следующий день они решили рассказать обо всем Наруто и Какаши в Ичираку. Их сенсей улыбнулся под маской, сказав:

— Давно пора.

Наруто усмехнулся Саске.

— Наконец-то решил начать пользоваться мозгами? — спросил блондин.

— Заткнись, добе, — ответил темноволосый — однако его слова были полны тепла, ведь его друг нисколько не ошибался.

— Эй вы! — вскрикнул Наруто, и в ресторане наступила тишина, а люди повернулись, устремляя взор на Хокаге. — С меня рамен на всех!

Раздались аплодисменты, и блондин обнял Саске и Сакуру.

— Так когда свадьба?

— Наруто! — девушка ударила его по плечу («ой, Сакура-чан, это было больно!») и взглянула на Саске, покрасневшего и встревоженного.

Вопрос Наруто не беспокоил его так, как, вероятно, опасалась Сакура. Это доставило ему дискомфорт лишь потому, что он знал, что не заслуживал ее. Еще нет.

Новости о Саске и Сакуре разлетелись по деревне после выступления Наруто в Ичираку. Прошло всего двадцать четыре часа — и вот уже Ино стучалась в дверь Сакуры, полная любопытства и требований объясниться. Когда это случилось? Как? Он хорош в постели? Плохой ли он в сексе? Насколько все серьезно? Розововолосая куноичи давала краткие, емкие ответы, надеясь, что допрос закончится как можно быстрее и спокойнее.

— Перестань пытаться обвести меня вокруг пальца, — сказала подруга. — Я заслуживаю подробностей.

Они сидели на потрепанном старом одеяле на крыше дома Харуно, загорали и пили недостаточно сладкий лимонад (вот что она получила, доверив Саске добавить сахар).

— И с чего бы, интересно, я должна докладывать тебе всю информацию о моей личной жизни? — спросила Сакура.

— Потому что мы друзья, — Ино отпила лимонада и поморщилась. — Ух, извини, но я не думаю, что могу это пить.

— Не нужно извиняться. Это отвратительно, — розововолосая отставила свой стакан в сторону — это было грустно, ведь в Конохе было адски жарко в течение нескольких недель, и холодный напиток, от которого не выворачивает наизнанку, был крайне необходим освежиться прямо сейчас.

Они с Ино легли бок о бок, лениво взявшись за руки. Сакура прикрыла глаза из-за яркого летнего солнца и прислушалась к звукам пения птиц и людей, находившихся на улице внизу.

— Как у вас с Шикамару?

— Отлично, за исключением того, что я с трудом могу заставить его помогать по дому.

— Тогда тебе следует надрать его ленивую задницу. Или перестань убираться.

— Фу-у, я выгляжу так, будто хочу жить в бомжатнике? Но надрать ему задницу можно.

Они засмеялись, а затем Ино слишком небрежно произнесла:

— Кстати, ты приглашена на свадьбу моей матери.

— Твоей матери что?

— Свадьбу, — медленно и осторожно повторила блондинка. — Это такой праздник, когда два человека дают друг другу обет безбрачия на всю оставшуюся жизнь.

— С чего бы твоя мать решила выйти замуж? Я знала, что у них с Тецуйей все серьезно, но не думала, что он окажется потенциальным мужем.

— Ага, ну, я тоже, — в голосе Ино проскользнули нотки горечи — Сакура решила, что разумнее и тактичнее будет не указывать на это. — В любом случае, ты приглашена, и поскольку ты можешь привести с собой гостя, то и Саске тоже. Или вы еще не собираетесь вместе посещать официальные мероприятия?

— Я не знаю. Нужно будет поговорить с ним и выяснить, — ответила розововолосая. Они с Саске все еще не были на свидании — и она побаивалась предлагать пойти на него, несмотря на все его обещания, что на сей раз все будет лучше.

— Так, ну и как ты вообще? — спросила Ино. — Я имею в виду, ты ведь всегда любила Саске, а теперь, когда вы начали встречаться, это должно чувствоваться здорово, верно?

Сакура не могла не улыбнуться. В последнее время она часто это делала: улыбалась без веской на то причины — кроме, пожалуй, того, что она безоговорочно, неповторимо и безрассудно счастлива.

— Такое ощущение... будто я вернулась домой после долгой поездки.

— Оу. Не особо впечатляет.

Харуно засмеялась и отпустила ладонь подружки, дабы можно было ударить ее по руке.

— А еще это как самый невероятный секс в моей жизни.

— Не то чтобы это было бы невозможно, — фыркнула блондинка, — учитывая, что придурок — единственный из твоих парней-неудачников, который хотя бы тебя возбуждал.

— Таро никогда не был моим парнем, — поправила Сакура.

— Как бы то ни было, у Саске было не так много соперников, — произнесла Ино в игривой, вызывающей манере. — Но, если ты скажешь, что он хорош, я поверю тебе на слово.

Голову Сакуры посетила неприятная мысль, и девушка села.

— Ты ведь не рассказывала об этом своей матери, да?

— О твоей интимной жизни с самым унылым ниндзя Конохи?

Харуно вздохнула и закрывала лицо рукой.

— Нет, Свинина, я имею в виду, ты рассказывала ей о том, что мы с Саске вместе?

— Конечно, Лобастая, — ответила Ино. — Мне пришлось: эта новость такая будоражащая.

— Что ж, огромное спасибо. Она расскажет все моей маме, прежде чем это сделаю я.

— В смысле «расскажет»? — засмеялась Яманака. — Она уже рассказала ей.

И, разумеется, когда позже в этот же день Сакура наведлась в дом своих родителей, мать и отец заключили ее в крепкие объятия.

— Я так рада за тебя, дорогая, — сказала Мебуки.

Отец засмеялся и взъерошил ей волосы, как он это делал, когда она была маленькой девочкой.

— Ты обязана позвать Саске на вечерний ужин.

— Только если вы пообещаете не задавать ему сотню вопросов, — сказала Сакура. — Знаете, он очень замкнутый человек.

— Мы не собираемся доставлять ему дискомфорт, — вздохнула мама. — Просто хотим узнать

его получше.

— И я обещаю не шутить, — произнес ее отец. — Хотя его прическа так и напрашивается.

— Папа! — Сакура не могла не рассмеяться. — Вот только тебе и говорить о чужих прическах.

Мебуки настаивала, что воскресный вечер будет идеальным временем для посиделок, но девушка покачала головой. Саске, конечно, мог сказать, что хочет от нее всего, но она сомневалась в его готовности к тому, чтобы его приняли в ее семью.

Сакура витала в своих мыслях. Во время ужина она молчала, а когда они ложились спать, казалось, что она была отвлечена и менее отзывчива к его прикосновениям. Неохотно, Саске перестал целовать ее мягкую грудь.

— Что такое?

Девушка отвела от него взгляд, затем вновь вернула; когда она начала говорить, ее голос звучал неуверенно и нервно.

— Мама Ино выходит замуж. Меня пригласили на свадьбу, и я хотела спросить, не хочешь ли ты пойти со мной.

Саске почти не знал Ино, да и не особо любил ее — его мало кто волновал не из Команды 7 — и, насколько он помнил, ни разу не видел ее мать. Парень терпеть не мог толпы людей и считал официальные мероприятия столь же бессмысленными, сколь и утомительными — однако он заметил, как напряглось тело Сакуры, как она задержала дыхание, ожидая его ответа. Почему-то для нее это было важно, и этого было достаточно, чтобы вопрос решился сам собой.

— Я пойду.

Девушка, улыбнувшись, поцеловала его.

— Спасибо, Саске-кун.

И вот так он попал на свадьбу, на которой не знал ни невесты, ни жениха. Половина гостей держалась от него подальше, либо слишком почтительно относясь к герою войны, либо слишком неодобрительно воспринимая международного преступника, чтобы с ним разговаривать. Однако это не было новостью, поэтому Саске не беспокоился на этот счет.

Мать Ино была в традиционном белом кимоно, а Тецуя, как и ожидалось, в черном. Они

разделили sake и обменялись тихими клятвами, которые Учиха едва расслышал, и через двадцать минут вся церемония закончилась.

Когда они с Сакурой направились к месту приема гостей (в одну из лучших гостиниц Конохи), он произнес:

— Это первая свадьба за шестнадцать лет, на которой я был.

— Чья была свадьба? — спросила она, протянув ему руку.

— Моей кузины Сайюри, — ответил Саске, вспоминая ее улыбающееся лицо, словно это было вчера. (Он также вспомнил, как выглядела Сайюри с кунаем, воткнутым между ее пустых черных глаз, в которых погас весь свет жизни, но сразу же отогнал этот мерзкий эпизод). — Ее мужем стал Нара, и после того, как мы вернулись домой, единственное, что сказал отец, так это то, что его дети не будут вступать в брак с кем-либо не из клана.

— Оу, — нахмурилась куноичи. — Тогда не думаю, что он бы меня одобрил.

— Да, это так, — честно сказал парень. — Но моя мать любила бы тебя.

Ее улыбка стала мягче, а на правой щеке появилась ямочка.

— Ты серьезно так думаешь?

Он кивнул.

— И, думаю, она бы тебе тоже понравилась.

— Не мог бы ты рассказать мне о ней? — попросила Сакура.

Некоторое время он обдумывал эту просьбу.

— Моя мама была доброй. Она всегда говорила мне, что гордится мной, и никогда не позволяла мне думать, что любит меня меньше, чем Итачи, — в отличие от отца, он мог бы добавить, но темноволосый решил не потрошить недостатки Фугаку Учихи. Какие бы ошибки ни совершал этот человек, он многократно расплачивался за них. — Я похож на нее, но при этом я многого не унаследовал от нее. Она была нежной. Великодушной, — из всех членов их маленькой семьи она была единственной, кто больше всех заслуживал пощады, но в последнее время Саске уже не особо желал, чтобы мама жила вместо него.

— Ты нежен со мной. Может быть, в тебе нежности больше, чем ты думаешь.

— Может быть, — он наклонился и поцеловал ее в лоб.

Девушка покраснела.

— Раньше я часто представляла, как ты это делаешь. В моих мечтах ты всегда находил очаровательным мой огромный лоб.

— Он огромный? — несколько озадаченно спросил Саске. — Никогда не замечал.

Сакура захохотала — и ему показалось, что он мог наслаждаться этим каждый день до конца своей жизни, что он никогда от этого не устанет.

На банкете она затащила его на танцпол.

— Ты будешь кружить, обнимать и целовать меня, ведь именно так делают кавалеры на свадьбах, а ты же мой кавалер, не так ли, Саске-кун?

— Похоже, что так.

Танцевать с Сакурой было совсем не сложно. Ей была присуща грация куноичи, и наблюдать за ее движениями в такт музыке было так же опьяняюще, как и расстраивающее. Он, почувствовав цитрусовый запах ее нового шампуня, уже был готов предложить им уйти пораньше, когда подошла Ино.

— Привет, Саске. Можно вас прервать?

Не дожидаясь его ответа, блондинка взяла Сакуру за руку и начала с ней танцевать. Мгновение спустя Ино сказала что-то, отчего розововолосая улыбнулась. Она выглядела радостной, прекрасной, сияющей — Саске с трудом мог поверить, что после всего, через что он заставил ее пройти, он все еще имел любовь такой женщины.

Парень не сразу перебрался к Сакуре. Его вещи по частям попадали в ее квартиру, пока в ее доме их не оказалось больше, чем в квартире, которую он когда-то называл своей. Где-то между летом и осенью девушка дала ему ключи, где-то между осенью и зимой Саске разорвал договор аренды. К весне он поинтересовался, не хочет ли она переехать в пристанище побольше. Возможно, отдать предпочтение дому вместо квартиры.

— Зачем? Тебе здесь не нравится?

— Нравится, но здесь маловато места.

— Достаточно для нас двоих.

— Но не всегда же нас будет только двое, — сказал Саске с такой напускной уверенностью, что девушке показалось, что она, наверное, не совсем правильно его поняла.

— И как ты считаешь, сколько дополнительных комнат нам может понадобиться?

Его улыбка была настолько еле заметной, что никто, кроме Сакуры, ее и не заметил бы.

— Одна или две, — ответил он. — Что думаешь?

— Тогда две. На всякий случай.

Они нашли дом с тремя спальнями на южной окраине деревни, и Сакура сразу же влюбилась в него. Она скучала по шуму и оживленности за ее пределами ее старой квартиры лишь по ночам, когда Саске не было и она мучилась от давящей тишины, отражающей пустоту ее холодной постели. Он оставался в Конохе гораздо чаще, чем раньше, но по-прежнему нередко ходил на задания вдаль от Листа. Учиха был странником — не всегда легко полюбить человека со странствующим сердцем.

— Куда ты отправляешься на этот раз? — спросила Сакура в ночь перед тем, как парень отправлялся на очередную долгую миссию.

— В страну Снега, — ответил он. — Я буду там не дольше двух недель.

Девушка попыталась улыбнуться, представить, сколькими вещами она могла заняться в его отсутствие. Сакура так или иначе ждала его столько лет, что привыкла к одиночеству, которое это приносило. Но ее ожидание облегчалось обещанием его возвращения. Потому что, как бы далеко он ни оказывался, он всегда возвращался к ней.

Саске помнил старую Коноху именно такой. Запах завтрака по утрам, наполняющего дом, в котором он жил с отцом, матерью и братом. Улыбка мамы. Голос папы. Итаци, тыкающий пальцами в лоб со словами: «Может, в следующий раз». Дальше — оглушительная тишина пустого дома. Паутина на кухне, потому что он не мог убраться, не мог даже подняться с пола. А затем Команда 7: Какаши, Наруто и Сакура.

Старая Коноха была мертва, однако новая Коноха — жива, и теперь парень знал, что его воспоминания не так важны, как то, что он находил в каждом новом дне.

Тем не менее, Саске никогда не забудет уроки своего отца. Как отличить правду от лжи, просто наблюдая за едва уловимыми изменениями выражения лица человека. Как на рассвете узнать, пойдет ли сегодня вечером дождь. Как не думать, но знать, куда приземлится сюрикен, когда

ты его бросишь. Но, несмотря на весь свой дар восприятия, ему потребовалось двенадцать лет, чтобы заметить Сакуру — и он задался вопросом, не тратил ли он свое время на изучение ненужных вещей.

Возможно, ему следует отказаться от учений своего отца, но Саске все еще учился смотреть вперед, а не назад, находя определенное утешение в простом наблюдении, зрительной игре. Вот насыщенный синий цвет яйца малиновки. Вот золото летнего солнца на поверхности реки Нака.

Вот зеленый цвет глаз Сакуры Учихи, когда она счастлива — цвет, который отныне он наблюдал всегда.

<http://tl.rulate.ru/book/58659/1503031>